

УДК 378.1(47)
ББК 74.58(2Рос)

Ю.М. Берёзкин
зав. кафедрой финансов
Байкальского государственного университета экономики и права
доктор экономических наук, профессор, г. Иркутск
e-mail: bym4@mail.ru

ФИНАНСОВАЯ ИНЖЕНЕРИЯ КАК ФАКТОР НЕСИСТЕМНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ФИНАНСОВ

Показано, что за последние полвека финансы превратились из научно-описательной дисциплины в инженерно-техническую. В этой связи возникла острая необходимость внесения соответствующих изменений в образовательные стандарты и программы профессиональной подготовки студентов-финансистов. Чтобы окончательно не отстать от требований времени, университеты уже сейчас должны начинать готовить современных финансовых инженеров.

Ключевые слова: финансы, финансовая наука, финансовое знание, финансовая инженерия, финансовая схема, финансовые институты, финансовая система, финансовое образование,

Yu.M. Berezkin
Head of Chair, Chair of Finance,
Baikal State University of Economics and Law,
Doctor of Economics, Professor, Irkutsk
e-mail: bym4@mail.ru

FINANCIAL ENGINEERING AS FACTOR OF NON-SYSTEMATIC ORGANIZATION OF CONTEMPORARY FINANCE

Since the middle of 20-th century finance had changed from theoretical science to technical-engineering discipline. It cause the necessity of making changes in standards of finance education. Universities have to begin teach financial engineers, if they not want to be behind the times

Key words: finance, financial science, financial knowledge, financial engineering, financial scheme, financial institutions, financial system, financial education

Сначала напомним азбучные «истины», которым мы продолжаем уже в постсоветское время учить студентов¹.

Есть финансовая наука и, соответственно, – *теория финансов* [1, с. 6; 2, с. 9]. Центральным местом теории финансов является учение о *функциях финансов*, в кото-

¹ Данный текст не следует воспринимать как «камень в огород» кого-либо из уважаемых мной коллег. Я считаю, что проблема – не в конкретных преподавателях, а в том организационном подходе к подготовке специалистов-финансистов и соответствующих государственных стандартах, которые, на мой взгляд, давно и безнадежно устарели. Я далёк от мысли, что эти моя статья что-то кардинально изменит в ближайшее время. Но, может быть, о назревшей проблеме содержания и форм обучения студентов начнёт задумываться немного больше людей, чем сейчас.

рых *проявляется сущность* последних. Главными функциями являются *распределительная и контрольная* [2, с. 10; 3, с. 66 и 68]. Задача финансовой науки – *выработка рекомендаций по совершенствованию практики финансов* [1, с. 22]. Финансовая практика – институционализована. Финансовые институты *регулируются государственным финансовым правом* [1, с. 18; 2, с. 8; 3, с. 102]. Благодаря этому финансовые отношения, возникающие по поводу формирования и использования денежных фондов – т.е. то, что трактуется как «финансы» [1, с. 10; 2, с. 9; 3, с. 63] – приобретают *целевой и императивный* (нормативный, принудительный) характер [2, с. 8-9; 3, с. 64]. Совокупность финансовых отношений представляет собой *финансовую систему*, состоящую из *нескольких финансовых сфер-подсистем*, организационно обособленных по принципу однородности решаемых задач [1, с. 29; 2, с. 11; 3, с. 77]. Я сделал ссылки лишь на самые тиражные и «рекомендованные свыше» учебники последних лет. Но подобные утверждения легко найти (с несущественными терминологическими вариациями) и в другой учебной литературе, изданной как в советское, так и в постсоветское время.

Между тем, нетрудно показать, что набор данных тезисов мало чему соответствует в современной финансовой реальности. Для этого достаточно проанализировать логические посылки (предположения, условия), явно или неявно стоящие за этими утверждениями, а затем сопоставить их между собой и с тем, что происходит теперь в финансовой практике.

В XX веке целым рядом философских и методологических школ [5; 6; 8] были сделаны похожие выводы относительно логических условий, при которых становится возможным существование любой научной теории и результата её применения в исследовании – научного знания. Вкратце, они сводятся к следующему.

Любая наука (начиная с XVII века) строится на том, что, прежде всего, выбирается «объект исследования» в виде какой-либо теоретической (идеализированной) модельной конструкции. Данный объект исследования должен предполагаться неизменным и независимым от последующих действий субъекта (исследователя). Эта теоретическая конструкция подлежит изучению в ходе научного исследования. Его суть состоит в выявлении эмпирических условий и границ возможного существования идеального объекта в реальности. При этом исследование должно проводиться методически правильно, а применяемые методы должны быть однородными (обеспечивающими предметность знания) и объективными (не должны зависеть от мнений людей). В результате таким образом построенного научного исследования получают «истинные знания», подлежащие культурной трансляции, т.е. накоплению и передаче через систему образования будущим поколениям для воспроизводства деятельности людей по неизменным научно обоснованным образцам. От действий учёных и получаемых ими научных знаний в принципе ничего в объективном мире не должно меняться. Основное назначение института науки – консервация окультуренной деятельности людей.

Нарушение любого из вышеперечисленных положений приводит к тому, что наука (и научное знание) начинает разрушаться.

Если теперь взглянуть через призму указанных признаков научности на приведённые в начале статьи положения из учебников финансов, то можно прийти к следующим выводам.

В качестве «идеального объекта» в финансовой науке выбран «денежный фонд». Наличие у финансов «функций» (т.е. направлений или назначений их использования) указывает на то, что в структуре объекта финансовой науки в обязательном

порядке должны присутствовать люди, поскольку у вещей самих по себе функций не бывает. Их всегда приписывают вещам люди, в зависимости от того, что они с ними делают.

Однако в данном случае мы видим, что речь идет о таком типе финансов, в условиях которых люди не имеют прав реализовывать собственные цели и функции. Их действия жёстко ограничиваются заранее predetermined функциями: во-первых, формированием и распределением денежных фондов («распределительная функция»), во-вторых, проверкой правильности этого распределения («контрольная функция»). В свою очередь, «правильность» реализации этих функций регулируется нормами «государственного финансового права», что обеспечивается механизмами государственных институтов принудительно (требования «целевого» характера и «императивности» финансов).

Положение о «системности» финансов дополнительно фиксирует, по крайней мере, ещё два момента:

- во-первых, все финансовые отношения взаимосвязаны между собой (со времен Э.Б. Кондильяка, который в XVIII веке впервые ввёл понятие «система» [9], любая система – это всегда совокупность взаимосвязанных элементов, в т.ч. подсистем);
- во-вторых, совокупность финансовых отношений не должна меняться («систем» с неустойчивыми, спонтанными и разнонаправленными изменениями элементов или связей не бывает; если такое в системе начинает происходить, она разрушается) [7].

Нетрудно догадаться, что подобные условия соответствовали финансовой реальности только в социалистической системе хозяйствования. Распад (или точнее – развал) последней привёл к тому, что теоретические положения, достаточно точно описывавшие когда-то государственные финансы СССР, превратились в своего рода учебные «догмы», почти ничему в современной реальности не соответствующие.

Даже на феноменальном уровне любому здравомыслящему человеку понятно, что за последние полвека финансы (как на Западе, так теперь и в России) претерпели радикальные изменения. И данный процесс продолжает усиливаться. Этому, в частности, в немалой степени способствует и переориентация финансовой науки с собственно исследований объективной реальности на «выработку рекомендаций по совершенствованию финансов» [1, с. 22] (о чём мы можем судить не только по учебникам, но и по диссертациям, которые невозможно сейчас защитить без практических рекомендаций и справок о внедрении).

Понимание финансов вышло далеко за рамки марксистского их представления в виде «общественных отношений» [13], превратившись в техническую дисциплину, особый тип финансового мышления и деятельности [4, с. 167]. К понятию «финансы» теперь реально (не в теории) относят (даже если с этим категорически не согласны известные учёные-финансисты прежней формации [1, с. 10]) и разработку новых, непохожих на прежние, деньги, и управление денежными потоками, и организацию сложных финансовых операций, и замещение денег финансовыми инструментами, и конструирование новых финансовых инструментов, и создание новых финансовых бизнесов, и другие сложные явления современной жизни, принципиально несводимые к «отношениям по поводу формирования и использования денежных фондов».

У современных финансов появились новые направления их использования, которые не имеют ничего общего с распределительной и контрольной функциями. В качестве примеров можно назвать инвестиционную, управленческую, организующую, инновационную, инструментальную, наконец, просто мошенническую (это тоже яв-

ляется фактом современной жизни, от которого отмахнуться невозможно) функции. И на этом их перечень не заканчивается. Ничего похожего, что сейчас делают с помощью финансов, раньше даже близко не делали (особенно в советской системе).

Финансовая практика интенсивно деинституциализируется. Финансовые операции и механизмы, в которых они реализуются, всё чаще и чаще носят временный, в пределе – разовый характер. Пытаясь приспособиться к быстроменяющейся практике, финансовые институты начинают непрерывно реформировать, в результате чего финансовое законодательство «плывёт», а сами финансовые институты (как стационарные социальные механизмы, своего рода «твёрдые тела» общественной жизни [4, с. 32]), размываются, превращаясь в обычные «учреждения», способы работы которых можно по приказу менять в любое время и в любую сторону. Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть на то, что происходит с любым традиционным финансовым институтом – «налогов», «бюджета» и т.п. Они реформируются практически ежегодно. В таких условиях новые, рыночные финансовые институты вообще не складываются. Тем самым институциональная форма финансовой практики, вместо укрепления и укоренения, начала интенсивно разрушаться и размываться.

Чем дальше развиваются процессы демократизации общества, тем больше становится людей, которые принципиально не желают быть «функциональными винтиками» в финансовой системе. Такие люди всё более и более успешно пытаются ставить и реализовывать собственные финансовые цели, резко расходящиеся с целями государственных финансовых органов. Появился уже значительный слой общества, который на поток поставил разработку и осуществление сложных финансовых операций (схем) самой разной целевой направленности, которые вообще не подпадают под механизмы государственно–правового регулирования, поскольку правовые системы – и не только в России, но и западные – их попросту «не видят». Ни в одной современной системе финансового права нет пока такого понятия, как «организационная финансовая схема». Между тем, если схема придумана и запущена в действие, она превращает юридических и физических лиц (которые оказались в неё втянутыми) в несамостоятельных субъектов финансовой практики, не способных нести полную финансовую ответственность за результаты своей деятельности. Причём это означает ещё и тот факт, что разработчиков и участников финансовых схем (если они нанесли значительный финансовый ущерб обществу) даже невозможно привлечь к ответственности только на правовых основаниях. А если подобные прецеденты пытаются всё же осуществлять (как, например, с М. Ходорковским), то судебные процессы неизбежно приобретают политический «привкус».

Нормативность финансов остаётся, но она всё чаще и чаще задаётся и поддерживается не государственными финансовыми органами, а частными организациями. Финансы вышли за границы национальных государств (глобализовались). Действия мировых финансовых игроков (типа Дж. Сороса) приобретают очень мощный, но разнонаправленный и несистемный характер. По словам того же Дж. Сороса, финансы стали относиться к одним из самых рефлексивных² форм деятельности [11, с. 53]. Это, в частности, означает, что финансовые игроки, работающие на мировых финансовых рынках, должны как можно дольше скрывать свои намерения, иначе их конку-

² Рефлексия – интеллектуальная функция человека, позволяющая ему осмысливать собственную ситуацию, в которой он оказался, и находить нестандартные способы ее преодоления. В современной жизни способность к рефлексивному осмыслению происходящего не менее важна, чем способность работы на компьютере. К сожалению, в наших вузах (за редкими исключениями, например, ГУ ВШЭ) этой способности студентов не обучают, и ее приходится активным людям осваивать уже после вуза самостоятельно.

ренты построят свои действия так, что первые окажутся в крупном финансовом проигрыше. То же самое происходит и с теми, кто действует догматически, т.е. строго в соответствии с нормами права или – по заученным «научным истинам». Причина в том, что и законы, и знания начинают обыгрываться теми, кто их просто использует в своих целях³.

В результате, научные знания становятся «короткоживущими», превращаясь в свою противоположность – информацию. Их становится невозможно транслировать в поколениях, поскольку они устаревают раньше, чем успевают попасть в учебную литературу. В этих условиях финансовые теории (которые могут, как было показано выше, описывать только неизменные объекты) становятся попросту бессмысленными, не имеющими отношения к изменчивой реальности. И они фактически перестают разрабатываться: на Западе – после Дж.М. Кейнса, а в СССР – после экономических реформ середины 1960-х годов⁴.

Всё вышесказанное привело к тому, что финансовая наука (в мире – с 1970-х, а в России – с 1990-х годов) начала сильно трансформироваться. По оценкам западных финансистов (как учёных, так и практиков) она «стала превращаться из аналитической в инженерную» [10, с. 20]. Дисциплину «финансовая инженерия» стали преподавать в западных университетах. Более того, как показывает анализ, финансовый менеджмент, получивший распространение не только на Западе, но теперь и в России, теоретическим предметом в полном смысле слова уже не является. Эта дисциплина – инструментальная, и, следовательно, «одной ногой» находится уже не в рамках научного, а в рамках инженерного мышления и деятельности.

Что касается России, то парадокс состоит в следующем. С одной стороны, практически вся успешная частная финансовая деятельность здесь уже более двух десятилетий строится исключительно на финансово-инженерных принципах. Любая сколько-нибудь крупная бизнес-группа в России имеет в собственности множество юридических лиц разного профиля, в т.ч. и финансового, и поверх них строит и реализует разные финансовые схемы. И по-другому финансового успеха добиться уже невозможно. Отсюда в России за последние полтора-два десятка лет и взялись более 70 миллиардеров (проживающих только в Москве; по данным Forbes, это больше, чем в Нью-Йорке) и несчётное количество долларовых миллионеров.

С другой же стороны, учёные-финансисты в большинстве своем продолжают себя считать «представителями науки», хотя по сути своей уже таковыми не являются, поскольку давно отошли от принципов, на которых должна строиться классическая наука:

- исследования проводят не сами по себе, а «по заказу» (властей или частных структур);
- получаемые «финансовые знания» оказываются, зачастую, предвзятыми, ситуативными и быстро устаревающими;
- рекомендации учёных предназначены главным образом для целенаправленных практических действий, в большей или меньшей степени меняющих финансовую реальность;

³ Ярким примером является научная концепция У. Шарпа, за которую он получил Нобелевскую премию в начале 1970-х годов: как только на фондовых биржах начали считать цены акций в соответствии с тем, что предложил данный автор, нашлись люди, которые придумали альтернативные способы оценки акций при торговле ими через Интернет. В результате много крупных компаний разорилось. Премия у Шарпа осталась, но применять то, что он разработал, стало проблематично.

⁴ Представляется, что это и является главной причиной того, что до сих пор в учебниках финансов повторяются «истины» пятидесятилетней давности.

Ничем подобным финансовая наука вообще не должна и не может заниматься. Всё это – прерогатива финансово-инженерной деятельности, которая:

- не исследует финансовую реальность, а её создаёт или трансформирует своими действиями;

- не финансовые знания получает, а информацию, которую в дальнейшем можно целенаправленно использовать в финансовой практике;

- не финансовые теории строит, а конструирует новые, более эффективные, чем были, способы финансовой организации, придумывает и реализует на практике нестандартные финансовые инструменты и бизнесы.

В этих условиях подлинная беда и страны в целом, и финансовой сферы в частности состоит в том, что научный инструментарий (понятия, методы, модели и т.п.), которым в основном пользуются ученые-финансисты, разрабатывая какие-нибудь «Программы развития...», и тем самым, вторгаясь в область финансовой инженерии, для этого принципиально не предназначен. Он остаётся инструментарием науки – «познающей», «исследующей», «теоретизирующей». Этот инструментарий явно или неявно предполагает, что уже есть «объект» и «предмет» исследования; что «знания» никак на объект изучения не влияют; что всё, что придумает учёный, люди тут же начнут реализовывать и т.д. и т.п. Хотя реально всё делается прямо наоборот, а последствия такого «научного исследования» бывают просто катастрофическими⁵, требующими новых срочных «исследований» и «рекомендаций по развитию...».

Ещё более страшное (с точки зрения ближайшего будущего), на мой взгляд, состоит в том, что мы по-прежнему (как и 100, и 50 лет назад) студентов учим «знаниевым образом», хотя знания как таковые давно перестали быть ценностью: заставляем заучивать «знания-однодневки», 95% которых выпускнику вуза в жизни вряд ли где-нибудь пригодятся. И, наоборот, мы не прививаем своим ученикам рефлексивную способность собственного финансового мышления; мы не передаём им способы эффективной организации своей и чужой финансовой деятельности (финансовый менеджмент [12] этому не учит совсем; он неявно предполагает, что организация финансов уже состоялась, финансовые институты – незыблемы, а активные финансовые субъекты действуют строго по правилам); мы не учим распознавать опасные чужие и, наоборот, конструировать полезные собственные финансовые схемы.

И, вообще, я думаю, что мы пока не научились готовить современных финансистов, способных квалифицированно работать в искусственной и постоянно меняющейся финансово-инженерной реальности. Между тем, нашим выпускникам (хотим мы того или нет) придётся жить и работать в сложнейшей ситуации существования разнородных, конфликтующих и несистемных финансов, к которой они в большинстве своем совсем не готовы. Эта ситуация со временем будет только усложняться. Надеяться, что когда-нибудь вернётся «уютная жизнь в стабильной финансовой системе», на мой взгляд, абсолютно бессмысленно. Уже сейчас активно действующие финансовые инженеры вряд ли это допустят, поскольку они обладают высокоэффективным «финансовым оружием», против которого у большинства нынешних финансистов и правовиков (как и у населения в целом) пока нет абсолютно никакой защиты. Безнаказанное перераспределение общественного богатства с помощью финансовых схем в пользу тех, кто не «заражён научным ханжеством», будет происходить и дальше. Если, конечно, мы не начнем осваивать финансово-инженерный инструмен-

⁵ Достаточно посмотреть на результаты проводимых экономических реформ, которые тоже «научно обосновывались» и в многочисленных диссертациях, и в «программах развития...» (типа «500 дней»).

тарий, делая его доступным, если не для всех, то хотя бы для специалистов-финансистов.

Список использованной литературы

1. Финансы: Учебник для вузов / под ред. М.В. Романовского, О.В. Врублевской, Б.М. Сабанти. – М.: Юрайт-М, 2004.
2. Финансы: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. В.В. Ковалева. – М. ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004.
3. Финансы. Денежное обращение. Кредит: Учебник для вузов / под ред. Л.А. Дробозиной. – М.: Финансы, ЮНИТИ, 1997.
4. С.В. Попов Организация хозяйства в России. – Омск: «Курьер», 1999.
5. Э. Гуссерль. Философия как строгая наука. – Новочеркасск: Агентство Сагуна, 1994.
6. К. Поппер. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.
7. Г.П. Щедровицкий. Избранные труды. – М.: Шк. Культ. Полит., 1995.
8. Г.П. Щедровицкий. Философия. Наука. Методология. – М.: Шк. Культ. Полит., 1997.
9. Э.Б. Кондильяк. Трактат о системах. – М.: Наука, 1938.
10. Дж. Маршалл, В. Бансал. Финансовая инженерия: Полное руководство по финансовым нововведениям. – М.: ИНФРА-М, 1998.
11. Дж. Сорос. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. – М.: ИНФРА-М, 1999.
12. Ю. Бригхем, Л. Гапенски. Финансовый менеджмент: Полный курс в 2-х томах / под ред. В.В. Ковалева. – СПб.: Экономическая школа, 1997.
13. К. Маркс. Капитал. Т.1. – М.: Изд-во политической литературы, 1988.